ский, без всяких филологических и стилизаторских заданий, имитирует древнерусский строй речи»,[10] употребляя, например, беспредложный дательный («лечу окну») по типу, представленному в «Слове о полку Игореве» («избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ»). В еще большей степени возрождение «древнерусского строя речи» характерно для Хлебникова.[11]

Очевидно, эти соприкосновения можно изучать не только в лингвостилистическом плане, но и в других аспектах. Оставляя в стороне множество возможных тем такого анализа, мы сосредоточиваемся на уровне образных мотивов.

Что же мы понимаем под термином «образный мотив»? Мы исходили из предположения, что в словесном искусстве существует устойчивый набор ядерных образов-архетипов. Ядерный образ — это минимальная, далее не разложимая образная единица, двучлен типа битва—пир, герой—солнце, смерть героя—закат солнца, жизнь—плаванье, наводнение или пожар—регенерация мира, рождение — въезд и т. д. Ядерные образы занимают историческую поэтику уже давно — как их генезис, так и бытование в литературе. Из советских ученых эта область интересовала В. П. Адрианову-Перетц,[12] О. М. Фрейденберг (античный материал),[13] И. Г. Франк-Каменецкого,[14] М. М. Бахтина[15] и др. Проблемы происхождения ядерных образов (в большей степени относящиеся к антропологии, нежели к искусствознанию) нас в данном случае не интересуют, тем более что в дошедших до нас письменных памятниках архетипы уже представлены в трансформированном виде. Трансформационный вариант простейшего ядерного образа мы и будем называть образным мотивом, учитывая, что трансформация, как правило, реализуется либо в развертывании и обогащении деталями элементов ядерного двучлена, либо в усечении одного из элементов, либо в скрещивании двух (а иногда и более) ядерных образов. Иначе говоря, наша задача сводится к тому, чтобы из трех объектов сопоставления — поэзии Маяковского, во-первых, поэзии Хлебникова, во-вторых, средневековой словесности, в-третьих, — извлечь некие образные мотивы, описать их структуру и трансформационную историю и тем самым реконструировать простейшие образные ядра, обнаруживающие глубокое, но не всегда очевидное, внутреннее сходство.

При удовлетворительных результатах сравнительного анализа мы будем считать наш тезис о возрождении в поэзии «Гилеи» образных архетипов доказанным. Ибо если в случае с Хлебниковым можно говорить об отдельных прямых заимствованиях из древнерусского материала и предполагать наличие еще не обнаруженных заимствований, то Маяковский с его отрицанием средневековья такую возможность снимает. Разумеется, даже в поэзии Маяковского нельзя полностью исключать потенциальных случаев прямых заимствований. Однако это не меняет дела,

---

[10] Там же, стр. 95.

[11] В. Гофман. Язык литературы. Л., 1936, стр. 209.

[12] В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947.

[13] О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936.

[14] См. например: И. Г. Франк-Каменецкий. 1) Вода и огонь в библейской поэзии. — Яфетический сборник, III, Л., 1924; 2) Отголоски представлений о материземле в библейской поэзии. — Язык и литература, VIII, Л., 1932; 3) К вопросу о развитии поэтической метафоры. — Советское языкознание, I, Л., 1935.

[15] М. М. Бахтин. 1) Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е. М., 1963; 2) Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.